

Т. И. ПЕЛЬТЦЕР: О ЧЕМ НАМ СПОРИТЬ С МОЛОДЕЖЬЮ?

— СКОЛЬКО раз приходилось мне в кино, да и в театре играть разных мамаш! И много было у меня разных «детей». Честное слово, тревожусь я за их судьбу, за судьбу молодых моих партнеров ничуть не меньше, чем тревожилась бы за судьбу родных детей.

Последнее время, после «Ивана Бровкина», я прочно утвердилась в амплуа «колхозной мамаш», вернее, меня утвердили. Потому что решилось это как-то совсем без моего участия. Пресловутая пассивная форма глагола: «Снимают». Что же касается меня как активной единицы, то, честное слово, в душе я все-таки уверена — не окончен путь мой на «колхозной мамаше», сыграю я когда-нибудь и нечто посложнее, и нечто поновее.

Но дело не во мне. Я говорю о молодых. Я говорю о том, что после «Ивана Бровкина» в роли этакого без царя в голове простака утвердился мой «сын» Леонид Харитонов. И больно, обидно мне, что в кинематографе его, по-видимому, так и держат за «простака». А ведь вот сняли же однажды другого такого же «простака», моего тоже очень любимого актера Леонида Быкова в интересной роли Акишина в «Добровольцах», и оказался «простаком» таким сложным, как это никому и не снилось.

А Людмила Касаткина? Почему нет ее на экране? Или ее отныне тоже считают только этаким эксцентричным «инженером»? А мне кажется, что это одна из наших самых одаренных молодых комедийных актрис. И я хочу видеть ее на экране еще и еще.

Начало беседы было неожиданным. Сколько раз за последнее время приходилось мне выслушивать горькие сетования от «стариков» на современную молодежь кино и театр! Равнодушна, холодна, беспечна, ленива...

Признаться, и к Татьяне Ивановне Пельтцер я шла, также ожидая услышать бесконечную вереницу сетований. Тем более, что в горьких этих упреках (трудно это отрицать) есть доля правды. Да, действительно, иногда слишком равнодушна, слишком беспечна, слишком ленива. Думалось о том, что как часто блеснет порой ярким фейерверком новая «звезда» — афиши, пресса, фестивали, премии, а смотришь — и нет ничего, угас фейерверк. И уже ничего не слышно о той «звезде». И уже новые «звезды».

Или другое. Окончил некто ВГИК или ГИТИС. Отличник, гордость индустрии.

В газетах — преждевременные восторги, мол, новый талант. А потом в театре одна роль так себе, вторая — так себе. В критике сначала вежливое недоумение, затем разочарование и, наконец, забвение.

Или вот молоденькая девушка. Когда-то в школе, может, и играла в кружках. Но дело не в этом. Ее увидели где-то в троллейбусе. Сняли в главной роли. Девочка вообразила себя актрисой, начала сниматься...

— Да нет! — Татьяна Ивановна вдруг взволнованно перебивает поток моих мыслей. — Нельзя начать сниматься! Мы, актеры, будь хоть семи пядей во лбу, не можем сами начать сниматься. Нас должны начать снимать. Вот так — позвонят по телефону: «Татьяна Ивановна, приезжайте, на вас хочет посмотреть режиссер».

Ну, я обыкновенно отвечаю, что уж больно некажиста и меня надо в роли смотреть. А вот какая-нибудь молодая актриса, конечно, с удовольствием поедет. И ее снимут. Хорошо, если она попадет к мастеру. А если неудача? Будут ее считать бездарной. Но она ли виновата во всем этом?

Нет, я думаю, не она. Не молодежь, а именно «старик» — будем называть так условно людей, пусть еще и не обремененных сединами, но обремененных опытом в искусстве.

Я слушаю Татьяну Ивановну. Ну, а молодежь? Она, что же, никак не причастна к своей судьбе? Или такие мальчики и девочки не понимают, что им надо еще очень и очень много учиться, прежде чем иметь право считать себя актерами? Почему они берутся за роли заведомо плохие, заведомо повторяющие то, что они уже делали на экране? Почему?

— Как вам легко рассуждать! Актер, истосковавшийся по роли, всегда тысячу раз уверен, что он сумеет, обязательно сумеет сделать даже на несовершенном материале что-то новое, показать себя в новом качестве. Так именно думал Леонид Харитонов, когда снимался во второй серии «Ивана Бровкина». Но получила неудача. Мне кажется, никакое актерское мастерство не смогло бы спасти, «вывезти» эту роль. Но мы слишком часто склонны обвинять во всем актера, его неуспех бросается в глаза.

Позвольте, думаю я, но разве не с плохого актера, вернее, даже с хорошего актера, берущегося за плохую роль, начинается плохой фильм? Откажется один актер, второй, третий...

— И всегда найдется четвертый и пятый...

Но неужели молодой актер так уж всегда старается найти что-то новое? Сделать что-то? А может, он вовсе и не старается? По-моему, многие актеры просто хищнически эксплуатируют собственные данные, себя, уже найденного, — ведь это же всегда легче.

— Не они эксплуатируют. Их эксплуатируют. У нас порой бывает так: режиссер находит себе какой-то новый актерский типаж. Ставит его на рельсы. И вот катят, именно катят его по этим рельсам. Недавно увидела я молодого актера Демьяненко в «Карьере Димы Горина», потом в «Мире входящему» и пришла, прямо говорю, в восторг. Но вот на днях увидела его же во «Взрослых детях». И хотелось мне тут же, во время демонстрации фильма, встать и крикнуть: «Остановитесь! Ведь вы же портите парня!». Это какое-то круговращение белки в колесе, и не более. Но поймите же — актера снимают, именно снимают в таком качестве, а отсюда все последствия и прежде всего то, что он сам привыкает смотреть на себя так и не иначе.

А в самом деле, почему так получается? Модный актер, новый тип... Мы увлекались сначала Стриженовым, потом Рыбниковым, Зубковым, Тихоновым, теперь мы увлекаемся Демьяненко. А Рыбников уже чуть ли не забыт. Хотя когда-то он ведь показал, что может играть такие, казалось бы, не свойственные ему роли, как Котыка Григоренко или Кочубей. Он показал, что может быть не только Рыбниковым, но и создателем самых разных образов. А его продолжали считать только и просто Рыбниковым, и так именно продолжали снимать. В «Двух жизнях» Тихонов предстал в каком-то новом качестве, об этом писали восторженно и много. А вот о Рыбникове, который снялся в старой «рыбниковской» роли, о нем в основном стыдливо умалчивали...

— Вот именно! Умалчивали! Возьму, к примеру, себя. В театре в каждой пьесе стараешься что-то делать — ищешь, советуешься, волнуешься, подбираешь какое-то особенно подходящее героине платье, с трепетом выходишь в третьем акте. Ну и что? Ну и ничего. Друзья там что-то говорят, зрители хлопают, узнают на улице, приветливо здороваются. Но ведь не по этому же знаку внимания судить мне о своей игре, о своем росте или топтании на месте! Я хочу узнать, как я сыграла роль, ту или иную сцену. Но в газетах об этом не пишут. Пишут о пьесе или о сценарии.

Пишут о режиссуре, о художнике, о чем угодно. Об актерах же в лучшем случае вежливое похлопывание по плечу: «неплохо справился», «как всегда, обаятелен», «донес образ». Дается не разбор игры, а оценка. Для старого актера это страшно. А как же быть молодому актеру, выступившему с первой, со второй ролью?

Возьмите способного молодого актера Урбанского. Мне он нравился. Мне кажется, он ищет разные повороты острой своей характерности. Хотя кое-где я и начинаю замечать различные вариации его «Коммуниста». Но об Урбанском-киноактере пишут в основном потому, что фильмы с его участием удачные. А вот об Урбанском — театральном актере почти не пишут. Хотя у него есть здесь определенные трудности, поиски, неудачи и удачи. В общем, есть о чем говорить. А не говорят!

Поистине Татьяна Ивановна — борец за молодежь. Но ведь молодые, о которых идет речь, — это уже взрослые, сформировавшиеся люди, не дети, которые не ведают, что творят. Серафима Германовна Бирман рассказывала как-то об одной молодой актрисе театра имени Моссовета. Ходит за кулисами этакая «дачница». И на вопрос, выучила ли роль, отвечает, что ей не дали тетрадку с ролью. Не дали! А ведь горела бы она ролью, театром, делом своим, не была бы «дачницей», сама бы требовала, сама бы нашла тетрадку. Однако, нет, не горела! А мнение обо всем этом старой, прославленной актрисы, целую жизнь отдавшей без остатка сцене, — подумай, старческое брюзжание!

— Кстати, насчет брюзжания и вечных этих пересудов: старые — молодые, молодые — старые. Я уже говорила о том, что никаких разногласий с действительно одаренной молодежью у меня нет, не было и, думаю, не будет — с тем же Харитоновым, с той же Касаткиной, с Леонидом Быковым. Между прочим, эти люди не боятся моего «брюзжания», они называют это советом старшего.

Что же? Значит, по мнению Татьяны Ивановны, в искусстве не существует проблемы отцов и детей? Значит, всегда можно договориться? А чем же тогда объяснить, что так много возникает разногласий о старом и новом в искусстве, о современном стиле, который идет на смену уходящим традициям?

— Знаете ли, у меня свой взгляд на эти вещи. Может быть, кто-то со мной не согла-

сится. Но я считаю: в искусстве нет старого и молодого. Есть талантливое и бездарное. Пусть не поймет меня молодежь так, что я отрицаю поиски нового. Я просто говорю о том, что не нужно воздвигать китайской стены. Жан Габен — великолепный актер старшего поколения. Но разве он несовременен? Разве это не образец сдержанности, лаконизма — того, что почитается первым признаком современного стиля? Но его сдержанность — наполненная и разная у разных героев — у героя «Отверженных» и у героя «Сильных мира сего». Нужно отличать моду от современности. У нас молодежь иногда стремится не к современному, а к псевдосовременному, ухватывая только какие-то чисто внешние его черточки, «хемингуэвский» лаконизм, полунамеки, пунктирность и прочее.

Еще раз повторяю: с настоящей, одаренной молодежью в искусстве у меня нет никаких противоречий. Дерево не губит свою поросль, они мирно растут рядом и вместе тянутся к солнцу...

В. ИВАНОВА.